

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

председатель Союза писателей России

“НРАВСТВЕННО УПРАВЛЯТЬ ОБЩЕСТВОМ”

Размышления о литературе и власти

Копаясь в своём любимом XVIII столетии – веке гигантского могущества России, раскинувшейся от Варшавы до Аляски, веке титанов мысли и Слова: Ломоносова, Державина, Карамзина, замечательных полководцев Суворова и Ушакова, “счастья баловней безродных”, безмерно стратегически талантливых Меньшикова и Потёмкина, наречённых Великими Императорами Петра I и Екатерины II, наткнулся на некие совпадения и аналогии с нашим временем. Ну, “сурьёзный” читатель не посоветовал бы обращаться к сравнениям, где стояли бы рядом “век нынешний, и век минувший”. Ну, а нам-то всё можно. На ум почему-то пришло 70-летие первого съезда писателей СССР. Неужели можно сравнить его с веком XVIII? А почему бы и нет?

XVIII век славен реформами Петра и расширением территории России при Екатерине II. Не место здесь, в статье, давать оценку этим явлениям, но вот вытащить на обозрение так называемую литературную политику сих державных правителей, да ещё и посмотреть под этим углом на съезд Союза писателей 1934 года и на литературную атмосферу тех лет возможно.

Пётр I, занятый грандиозными войнами и реформами, вначале особого значения Слову не придавал, но газеты для распространения информации и “правильных” оценок создал. (Чем не “Искра”? Только не подпольная.) Естественно, его реформы (часто через колено!) имели немало противников, но преобразования были неизбежны, и поэтому круг людей, защищавших новации и отстаивавших их Словом был довольно широк: тут и церковник Феофан Прокопович, и дипломат Антиох Кантемир (“Запорожец кающийся”, “Слово о власти и чести царской” и др.). А вослед и великий Ломоносов славил Петра: “Он Бог, он царь твой”. Он несколько преувеличивал заслуги самодержца, но воспевал его за его размах, за его энергию, за укрепление России. Но кто из поэтов не преувеличивал, как казалось другим, заслуги своих кумиров? Возьмём хоть Маяковского в поэме “Ленин” или Пастернака в стихах о Сталине.

Многие патриотически настроенные представители русского общества объявили подлинную войну преклонению перед иноземными обычаями, модами, засилию иностранного слова. Впрочем, Пётр I никогда не отвергал “эту страну” и ощущал, особенно в конце жизни, что “Россия должна идти **своим путём, надо говорить своим, а не подражательным языком**”. Как подлинный державный правитель, он постепенно понимал, что нарождающуюся ли-

тературу из рук выпускать не надо и следует держать её при себе. Взгляд его на литературу, впрочем, был сугубо практическим: **она должна служить его делу. А сочинитель если и не “инженер человеческих душ”, то механик, подвластный государю.** Этот “механик” способствует осмеянию невежества, застойной старины, ханжей и врагов государства. Печатный станок в то время печатает книги о выдающихся событиях, торжественные вирши, оды по случаю побед, пускает сатирические стрелы в недругов реформаторских дел, выпускает лубки (прямо-таки окна РОСТА!). Тех же, кто не поддерживал его, Пётр лишал даже чернил, перьев и бумаги (так он поступил с монахами в монастырях). Согласитесь, что это несколько напоминает нам 20-е и 30-е годы XX столетия у нас в стране (хотя тогда нередко лишали голов...).

И при Екатерине II литературная политика проводилась разумно и целенаправленно. Влияние власти на формирующуюся отечественную словесность особенно проявилось именно в годы её царствования. Ещё раз объясняем, что не оцениваем всю её державную поступь. Императрица претерпела эволюцию от усиленного преклонения перед западными умами и литературно-философскими авторитетами (Вольтер, Дидро, Руссо, Монтескьё) к проявлению трезвого реализма на русской почве, осознанию выдающихся способностей её подданных, всего русского народа. И тут Слово, Литературе, Истории она отводила первенствующее место (да и сама пробовала себя в сочинительстве: написала 14 комедий, 9 либретто, 7 пьес на основе пословиц). Особо издевалась в этих пьесах над неграмотностью, невежеством, масонством, иноземными заимствованиями (немка Екатерина, как позднее грузин Сталин, считала себя русской). Она громогласно заявила, что **“литературой нравы исправить можно”**, утверждая, что “нравственное нравоучение человеку поставить надо и достучаться до его разума, а в сердце высокие помыслы вдохнуть”. Плохо ли?

Многие современники Екатерины видели в Слове, культуре, театре рычаг воздействия на нравственность и пользу для общества. Правда, каждый по-своему. К примеру, поэт Михаил Попов в XVIII веке задавал этот вопрос и отвечал на него:

*Полезен ли феатр и чистит ли он нравы?
Иль только что одне приносит нам забавы?
Коль спросит кто меня о сём,
Скажу,
И докажу,
Ему о всём.
И прямо.
А как?
Вот так,
Как испытание доказывает сáмо.
Для умных служит он к познанию вместо врат,
Для глупых — игрище, гульбище и разврат.*

Честно говоря, эти слова можно отнести и к сегодняшним театрам, хотя следует понимать, что последний пункт его нравоучительных стихов стал более характерным для нашего времени.

Екатерина решила своей властью развивать дело литературы, поддерживать “пиитов” и издавать литературные журналы. Она создала свой журнал “Всякая всячина”, назначив формального главного редактора – адъюнкта Академии Григория Козичкого, который состоял при “собственных ея Императорских делах”. Разрешила издавать журналы и другим. Свобода!

И-и, что тут началось! Стали возникать издания других воззрений и даже политических направлений. Известный писатель Максим Чулков создал журнал “И то и сё” с намёком на “Всякую всячину”. Василий Рубан назвал свой еженедельник “Ни то ни сё в прозе и стихах”. Возник журнал “Смесь”, “Поденщина”, стал покусывать новиковский “Трутень”, ежемесячник “Адская почта” известного и может быть самого плодovitого романиста того времени Фёдора Эмина стал одним из популярных изданий. Вокруг новых и старых журналов начали собираться учёные, люди, посвятившие себя литературе как положительному делу. Это дало толчок развитию всей русской культуры.

Музыканты, прошедшие французскую и итальянскую выучку, вдруг услышали песни своего народа. Русская мелодия зазвучала в операх Соколовского и Фомина, в кантатах Березовского и Боршнянского, потянулась тонкой ниточкой из-под скрипки виртуоза Хандошкина. Победные марши и панегирические песнопения, звучные гимны прославляли великие победы. Кисти Андропова и Рокотова, Аргунова и Левицкого уносили в века полных очарования русских женщин и исполненных державного величия вельможных мужчин. Баженовский дом Пашкова напротив Кремля в Москве и Фальконетовский Пётр, вздыбленный в центре Петербурга, показали, что руке и разуму вдохновенного скульптора и архитектора подвластны все замыслы. В залах и приёмных зазвучали оды Ломоносова и Хераскова, там восхищались пьесами Капниста и Фонвизина, сочинениями Карамзина и Эмина, журнальными статьями Новикова и Болотова. Знаком времени, конечно, был высокий слог Гавриила Державина. Именно Державин, восхищаясь подвигом чудо-богатырей Суворова и победными битвами Ушакова, требовательно обращался к царям: “Чего не может род сей славный свершить?” И, не видя ответного помысла с бережением относиться к людям, взывал:

*Умейте лишь, главы венчанны,
Его бесценну кровь щадить,
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда войной и не войною
Весь мир себя заставить чтить!*

Но пришли другие годы, проступила во всей своей гильотинной красоте Французская революция 1789 года. Она лишила королей голов, помещиков – земель, церкви – священников, а народ – многолетней Веры и религии. Тут Екатерине было уже не до литературных вольностей. Она решительно заявляет: “Ответ здословью быть должен”, – ограничивая в том числе и свободомыслие журналов.

Интересная деталь, а может быть, существенная черта русской литературы. Поэты и прозаики XVIII века одобряли и воспевали наступательную политику на Юге (знаменитая поэма “Чесменский бой” академика и поэтического законодателя Хераскова о блистательной победе русского флота над турецким, “Ода на победы в море” В. Петрова, державинские оды Екатерине...).

В то время никому в голову не приходило осудить присоединение Крыма к России – либералов ещё не было.

Дальние параллели ложатся на сегодняшнюю поэзию и прозу. Понадобилось почти тридцать лет, чтобы нынешняя художественная критика признала значительность и актуальность моих романов “Росс непобедимый” и “Флотоводь” о великом геополитическом и историческом подвиге нашего народа, пробившего “полуденное окно” России на юг Европы, в переднюю Азию и Африку. Но надо признать, что Русская Православная Церковь всегда обращала на это внимание и прославляла в качестве святого праведного воина непобедимого адмирала Ушакова.

Но вернёмся в век Екатерины. Журналы, расцветшие было по её инициативе, закрывались один за другим, пришла цензура. Новиков за свои масонские взгляды получил место в Шлиссенбургской крепости, а Радищев вообще оказался в дальней ссылке, в якутском городе Верхоянске, слывшем полусом холода; пьесы Капниста запрещались.

Либеральная система культуры была приведена в строгий, подчинённый власти порядок. И вот этот поворот литературной политики XVIII века мне захотелось сравнить с поворотами во взаимоотношениях советской власти с писателями. Вначале всё казалось ясным, было определено в статье В. И. Ленина “Партийная организация и партийная литература”. Не выбрасывались даже классики. Их определяли как “зеркало русской революции”. В конце концов, Владимир Ленин, человек немалой культуры, понимал, что революции нельзя оставаться без больших литературных авторитетов. Однако его боевитые соратники, “неистовые ревнители”, не облададая особой образованностью и культурой, сбрасывали с корабля современности одного классика за

другим. Помню первую, в голубеньком переплётё “Малую советскую энциклопедию” конца 20-х годов, где Пушкин проходил лишь по разряду “певцов дворянской усадьбы”. И сохранившуюся у отца “Историю России в самом сжатом очерке” академика Покровского, где в разряд крепостников были зачислены такие писатели, как Андрей Тимофеевич Болотов, написавший 250 томов, выпустивший две первые сельхозгазеты, создавший первые учебники литературной критики и вообще бывший “русским энциклопедистом”.

Конечно, направлять литературу, объединять писателей — это не “тоталитарная” выдумка большевиков, а “приём власти” любой эпохи. Ну, а проявление таланта — это уже свойство гения или, по крайней мере, человека незаурядного. Ведь и при Пушкине было немало литераторов с именем и признанием общества, но всё-таки большинство поблекло в истории. А в созданном в 1934 году новом Союзе писателей СССР были не только говоруны, но и талантливые люди. В первую очередь, Максим Горький.

В начале 30-х годов XX столетия состояние общества поначалу не слишком заметно, но существенно изменилось. Надежды “неистовых ревнителей” на фактически космополитическую “мировую революцию” испарились. Советская власть, существовавшая уже 15 лет, выдвинула лозунг “о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране”. **И этой страной объявлялась Россия (СССР)**. Это был великий выход из глупка энергии, порождённого революцией, часто буйной, бурной, неуправляемой, разрушительной. Он направлял усилия народа на укрепление собственной страны. Определённые круги в партии чувствовали спасительность такого поворота, причём считали, что в этом им должна помочь литература, книга. Конечно, в партии были разные группы людей, имевших свои взгляды. Стронники Троцкого, мировой революции, левого безответственного бунтарства, выжидающие своего часа ревизионисты, сионисты, все эти Бухарины, Каменевы, Зиновьевы, Радеки... Отодвинутые с главенствующих мест, они готовились к реваншу.

Однако наиболее проницательные руководители понимали: мировой безнациональный капитал — Рокфеллеры, Ротшильды, Крупы — готов смириться с социализмом. После Октябрьской революции они и у себя уступили рабочим, дали им некоторые социальные права. Но принять мировые притязания России они не могли.

Отказ от мировой революции позволил хотя бы отчасти снизить внешнюю угрозу и обратиться к отечественным основам, в том числе культурным и историческим. С литературной арены уходят “красные дьяволята”, возвышенные “коммунары”. Зато на нём появляются деятели русской истории: великие полководцы, дипломаты, властители. В жизнь стали входить фильмы и книги об Александре Невском, Суворове, Кутузове, Петре I. А письмо руководителей страны (Сталина, Жданова, Кирова) о том, что надо проявлять уважение к прошлому, к достижениям народа и страны в науке, культуре, к военным победам, сыграло большую роль в патриотическом воспитании молодёжи. Правда, поворот этот происходил в конце десятилетия, а в 1933–1934 годах он получал своё обоснование, в том числе и на I съезде советских писателей.

1934 год. Десятки союзов и групп литераторов, расплотившихся в стране и претендующих на главную роль, авторитетом Максима Горького были созваны в Колонный зал Дома Союзов. Тогда, в августе, они входили в зал — самонадеянные и робкие, с душой нараспашку и замкнутые, люди пролетарской заправки и врождённые интеллигенты. Несколько сотен. Говорят, что французский писатель и будущий министр культуры Мальро с недоуменным вопросом обратился к Горькому: “И это всё писатели?” Количество, конечно, впечатляющее, но ведь и эпоха, как считали современники, была особая. Но, как сказал бы Козьма Прутков: “Если на клетке льва увидишь надпись “тигр”, не верь глазам своим”.

Можно сколько угодно иронизировать, но отрицать энтузиазм собравшихся на съезде, надежду, страсть и желание овладеть высотами культуры слова нельзя. Конечно, не все представляли магию творчества, многие как и сегодня, думали только о структуре и выстраивании “текста”. Но проснувшееся в них творческое начало, невиданное трудо- или, скажем, культуролобие дало надежды на зрелые плоды.

В качестве объединяющей фигуры Союза был выдвинут М. Горький. Его общественная деятельность многообразна: походил он в большевиках,

в меньшевиках, в протестующих интеллигентах, говорят, даже в масонах, долго жил в фашистской Италии, но ведь остался талантливым писателем! Достаточно назвать “Жизнь Клим Самгина”. А можно вспомнить и его романтические образы. Конечно, “это не сильнее “Фауста” Гёте”, как говорил всемогущий вождь страны советов, но ведь многим хотелось, как гордый Сокол, взлетать в небо, отвергая ползущего по сырой и неуютной земле Ужа. Да и самоотверженный Данко стал тем образцом, который был товарищем и современником Николая Островского, Валерия Чкалова, метростроителей, строителей Магнитки и Турксиба, а позднее – Зои Космодемьянской, подпольщиков “Молодой гвардии”.

Но у литературных радикалов были иные кумиры. Первыми по изданиям и, естественно, гонорарам были А. Безыменский, И. Уткин, Н. Асеев.

Рвался в литературные дирижёры и витийствующий революционер, космополит Радек. Он делал доклад на съезде писателей. Но амбиции “неистовых ревнителей” смирил Сталин. Много рассказов я слышал о том, как осторожно, через писательские авторитеты М. Горького, Л. Леонова, К. Симонова, А. Суркова, А. Фадеева он формировал отношение к литературе. Его задачи, несмотря на разность эпох, сливались с замыслом Екатерины II при помощи литературы “нравственно управлять обществом”.

В общем, съезд состоялся, несмотря на все попытки сформировать оппозицию власти, близкую к троцкистско-бухаринскому объединению. Имел место и разговор о литературе, художественном творчестве, его народных истоках, истории, таланте, языке, нравственности. Делегаты запомнили мудрые слова М. Горького: “Начало искусства слова в фольклоре. Учитесь на нём, обрабатывайте его. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творчества нашего настоящего”.

Итогом съезда стало не только создание структуры, призванной быть проводником державных идей, но и возникновение некоего простора для творчества, контролируемого сверху, но зато и поддерживаемого материально (достаточно вспомнить сформированный в те годы Литфонд СССР, немалое количество творческих дач для писателей в Переделкино, Дома творчества литераторов, Дома литераторов, издательство “Советский писатель”, творческие командировки по стране...).

Можно вспомнить и огрехи становления. Собственные писательские союзы существовали во всех республиках, кроме России. Понадобилась победа в Великой Отечественной войне, чтобы был создан Союз писателей России. Сейчас, когда возникают постоянные попытки деформировать, а то и закрыть Союз писателей России, мне вспоминаются “неистовые ревнители” 30-х годов.

И тем не менее, русская литература существует. Семь с половиной тысяч литераторов объединены в Союз писателей России, который причисляет себя к продолжателям традиций русской классической литературы, к людям державной и нравственной позиции, не отбрасывающей достижения русской советской литературы и честной литературы русского зарубежья. Юбилей съезда советских писателей 1934 года побуждает нас вспоминать всю сложность пути отечественной литературы.

В этом материале о попытках властей всех времён и всех уровней “овладеть”, “руководить” литературным процессом, состоянием литературного общества, нет, может быть, главного: разговора **о таланте писателя, его истинности, совести литератора**. Факторов много: генетических, воспитания, образования или отсутствие таковых. А может, главным является обращение А. Пушкина: “Веленью Божьему, о муза, будь послушна...” Как мне кажется, в этом – всё: таинственность, глубина, состоятельность истинного творчества, которое во многом зависит и от нас самих, и от воли и понимания властей предержавших.

Но об этом уже другой разговор.